
ИСТОРИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

ПРОБЛЕМА ПЕРВЫХ ПОНЯТИЙ В ФИЛОСОФИИ Г.В. ЛЕЙБНИЦА: ОТ АТТРИБУТОВ БОГА К ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫМ ИДЕЯМ

Н.А. Осминская

Кафедра истории философии
Факультет философии

Национальный исследовательский университет —
Высшая школа экономики

Малый Трехсвятительский пер., 8/2, Москва, Россия, 109028

В статье анализируется эволюция взглядов Г.В. Лейбница на проблему первых истин, могущих послужить основой для построения всеобщей науки. Анализируя ранние сочинения Лейбница по комбинаторике, а также ранние наброски энциклопедических проектов, автор рассматривает влияние на формирование философии Лейбница творчества Р. Луллия, И. Бистерфельда, И.-Г. Алстеда, а также вскрываются аристотелевские истоки предложенной им трактовки соотношения необходимых и контингентных истин.

Ключевые слова: рационализм, энциклопедизм, всеобщая наука, Лейбниц, комбинаторика, метод, истины разума, контингентность.

Проблема простых истин является одной из центральных в философии Готфрида Вильгельма Лейбница. Впервые в развернутом виде она была поставлена философом в его юношеской «Диссертации о комбинаторном искусстве», опубликованной отдельным изданием в 1666 г. Этот текст, несмотря на серьезные недочеты в математическом аппарате комбинаторного исчисления, является основополагающим для всего творчества Лейбница (1).

Вот как в середине 1690 г. Лейбниц сам оценивал этот свой ранний труд: «...это была диссертация, какая могла быть написана юношей, только что сошедшим со школьной скамьи и еще не посвященным в реальные науки (ибо в наших местах математические науки не были в почете, и если бы я, как Паскаль, провел свое детство в Париже, я, может быть, раньше содействовал бы развитию этих наук). Однако я не жалею о том, что написал эту диссертацию. По двум причинам: во-первых, потому, что она чрезвычайно понравилась многим одареннейшим людям, во-вторых, потому, что уже тогда я сообщил в ней миру некоторые наметки своего открытия, так что пусть не думают, будь я сейчас все это впервые выдумал» [1. С. 414].

В «Диссертации» Лейбниц разрабатывает метод комбинаторного анализа понятий, согласно которому все понятия, какие только ни есть, делятся на два класса — элементарные, то есть уясняющиеся через самих себя, и составные, то есть представляющие собой комбинации элементарных. Задача философского познания в этом случае сводится к двум базовым операциям — анализу существующих понятий, то есть разложению их на первичные, и синтезу, то есть созданию новых понятий путем комбинации элементарных. В основе этого метода лежит утверждение, почерпнутое Лейбницем главным образом у почти забытого ныне немецкого ученого Иоганна Бистерфельда, согласно которому «все познается из метафизической науки об отношениях вещи к вещи» (близкие идеи Лейбниц, по видимому, обнаружил также и у Гоббса). Отношения, таким образом, являются одновременно и основным принципом познания, и его предметом.

Кроме учения Бистерфельда, среди источников своего комбинаторного метода Лейбниц называет «великое искусство» Раймона Луллия, который первым в истории западноевропейской философии предпринял попытку свести все возможные человеческие знания к определенному набору первичных истин, «алфавиту человеческих мыслей». По преданию, эти истины были открыты Луллию самим Богом в момент Откровения, а впоследствии философ изложил их в схематическом виде.

Луллий составил своего рода таблицу категорий, разделенную на шесть классов.

Согласно этой схеме, первый класс образуют девять абсолютных атрибутов Бога: благодать (Bonitas), величие (Magnitudo), крепость (Duratio), мощь (Potentia), мудрость (Sapientia), воля (Voluntas), достоинство (Virtus), истина (Veritas), слава (Gloria). Во второй класс входят девять относительных атрибутов: различие (Differentia), согласие (Concordantia), противоположность (Contrarietas), начало (Principium), середина (Medium), конец (Finis), большее (Majoritas), равенство (Aequalitas), меньшее (Minoritas). Остальные классы составляют, соответственно а) девять вопросов: «ли», «что», «почему», «каким образом», «из чего», «сколько», «какой», «где», «сколько» (Utrum, Quid, Quare, Quomodo, Ex quo, Quantum, Quale, Ubi, Quando), б) девять субъектов: Бог, ангел, небо, человек, умопостигаемое, чувственное, растительное, элементарное, инструментальное (Deus, Angelus, Coelum, Homo, Imaginativa, Sensitiva, Vegetativa, Elementativa, Instrumentativa), в) девять добродетелей: справедливость, благоразумие, храбрость, умеренность, вера, надежда, любовь, терпение, благочестие (Justitia, Prudentia, Fortitudo, Temperantia, Fides, Spes, Caritas, Patientia, Pietas) и г) девять грехов: жадность, чревоугодие, изнеженность, гордыня, уныние, ненависть, гнев, лжесвидетельство, непостоянство (Avaritia, Gula, Luxuria, Superbia, Acedia, Invidia, Ira, Mendacium, Inconstantia). Комбинирование перечисленных первоначальных терминов должно было, по мысли Луллия, обеспечить нахождение всех возможных производных истин, например, определений пространства и пр.

В «Диссертации о комбинаторном искусстве» Лейбниц не только перечислил все луллиевы термины, но и произвел те комбинаторные исчисления, которые Луллий представлял сугубо теоретически.

Однако проект Луллия не удовлетворял лейбницеvскому идеалу философского знания.

В «великом искусстве» Луллия неприемлемыми оказались для Лейбница два изначальных допущения: во-первых, то, какие именно понятия были выбраны Луллием в качестве основополагающих и элементарных, и, во-вторых, их количество, искусственно ограниченное, в угоду симметрии, девятью элементами в каждом классе. Кроме того, Лейбниц оспаривает необходимость обособления некоторых групп, например, класса вопросов, которые дублируют атрибуты, а также класса добродетелей и грехов, которые очевидно не являются элементарными и всеобщими понятиями. Эти замечания позволяют двадцатилетнему Лейбницу сделать вывод, что метод Луллия «скорее подходит для того, чтобы говорить о вещах, чем для достижения полноценного знания о них» (2).

Таким образом, в «Диссертации» Лейбниц приходит к выводу о том, что луллиеву комбинаторику необходимо реформировать. При этом, помимо усовершенствования математического аппарата комбинаторики, он ставит также задачу создания своеобразного каталога первичных понятий, из которых с помощью определенного метода (созданию которого и посвящена «Диссертация») могут быть выведены и все остальные истины.

Однако в «Диссертации» Лейбниц лишь наметил пути решения проблемы первых понятий. Наибольшее внимание он уделил здесь первым понятиям отдельных наук, например, математических наук и юриспруденции, которая, по мысли автора, могла бы быть упорядочена по аналогии с геометрией. В отношении математических наук Лейбниц довольно подробно расписал первый, второй и третий классы понятий. Так, в первый класс должны были входить: 1) точка; 2) пространство; 3) междуположное; 4) рядоположное или соприкасающееся; 5) удаленное или находящееся на расстоянии; 6) граница или то, что разделяет; 7) внутрисложное; 8) заключенное в... (например, центр расположен внутри круга, заключен в окружность); 9) часть; 10) целое; 11) то же самое; 12) различное; 13) единое; 14) число; 15) многое (например, 1,2,3,4,5 и т.д.); 16) расстояние; 17) возможное; 18) каждое; 19) данное; 20) происходит; 21) направление; 22) протяжение; 23) длина; 24) ширина; 25) глубина; 26) общее; 27) последовательное или непрерывное» [7. S. 70—71]. Во второй класс входят понятия, полученные в результате комбинаций двух понятий первого класса; третий составляют понятия, полученные в результате комбинаций трех понятий (Лейбниц называет это контернацией) первого класса, и так далее.

Что же касается самых первых понятий, то в «Диссертации» Лейбниц ограничивается лишь тем весьма общим соображением, что к простым понятиям, составляющим первый класс, должны быть отнесены «не только вещи, но также и состояния (*modi*) или отношения (*respectus*)» [7. S. 65]. Нахождение этих понятий Лейбниц полагает делом будущего.

Решения этой проблемы он ожидал, в частности, от Атанасиуса Кирхера, как раз в это время работавшего над книгой «Великое искусство знания». Однако в 1667 г., когда труд Кирхера вышел в свет, Лейбниц был весьма разочарован

его содержанием и не скрывал этого, несмотря на лестные слова, сказанные им о книге Кирхера в адресованном ему по этому случаю письме. Уже во второй половине 1690 г. в работе «Об универсальном синтезе и анализе, или об искусстве открытия и суждения» Лейбниц так описывал начало своих комбинаторных изысканий: «Обо всем этом я много говорил в небольшой диссертации «О комбинаторном искусстве», которую я издал еще в юношеском возрасте. Тогда еще не вышло давно обещанное сочинение Кирхера того же названия, в котором я ожидал найти указанные положения; но впоследствии, когда оно вышло, я увидел, что в нем лишь повторяются Луллиевы или им подобные положения и что истинный анализ человеческих мыслей даже и не снился автору, впрочем, как и другим, хотя бы они и размышляли о необходимости обновления философии» [2. С. 116].

К более конкретному решению проблемы первых понятий Лейбниц обращается уже в следующей своей работе «Новый метод изучения и преподавания юриспруденции...» (*Nova Methodus discendae docendaeque Jurisprudentiae...*, 1667). Как следует из названия, текст посвящен изложению нового метода обучения юриспруденции. В его основу положена идея естественного права, согласно которой юриспруденцию следует рассматривать в философском ключе в контексте единой всеобщей науки. Поэтому первая часть «Нового метода» посвящена общим принципам дидактики, основанным, в свою очередь, на принципах метафизики.

Обосновывая свой метод выведения знания из единого источника, Лейбниц указывает, что все понятия делятся на простые и сложные. Простые понятия — те, что не могут быть изъяснены значимыми понятиями (*indeclarabiles per terminos potiores*), поскольку непосредственно воспринимаются чувством, и это он называет чувственными качествами (*qualitates sensibilites*). То, что обладает чувственными качествами, то есть воспринимается чувствами, называется Сущим (*Ens*). Это, как говорит Лейбниц, является самым лучшим определением сущего: «когда мы хотим доказать, что нечто существует, доказываем это из того, что мы либо другие воспринимают или самих себя непосредственным восприятием, или, по крайней мере, нечто такое, что без самого себя не может быть, что является опосредованным восприятием. Собранные одновременно (то есть представляемые) качества образуют сущность, чувственные — существование, из осознания же многих сущих одновременно происходят Отношения, то есть свойства сущих. Ибо из со-представления или со-сущности происходит сравнение: тот же самый, другой; подобный, неподобный, противоположный; род, вид; всеобщий, единичный. Из со-восприятия или со-существования происходит связь: целое, часть; порядок, единое, многое; необходимое, случайное, связанное, причина и пр. Отсюда исходит всеобщая Метафизика» [3. С. 17—18].

Как видим, в «Новом методе...» первые понятия отождествляются с воспринимаемыми качествами, не поддающимися дальнейшему разложению на элементы. Это положение дало повод одному из исследователей раннего творчества Лейбница Вилли Кабитцу представить теорию Лейбница как теорию абстрагирования ментальных понятий от чувственных впечатлений и сделать вывод наивном сенсуализме молодого Лейбница, восходящем к учениям Бэкона, Гассенди и Гоббса; одновременно Кабитц указал на несогласованность этого наивного сенсуализма с рационализмом молодого Лейбница [4. С. 39—40].

Однако если более детально рассмотреть, что именно подразумевает Лейбниц под чувственно воспринимаемыми качествами, окажется, что его теория отнюдь не является сенсуализмом в строгом смысле этого слова.

Действительно, Лейбниц утверждает, что простые чувственные качества суть те, которые непосредственно воспринимаются чувствами. Однако при этом он уточняет, что непосредственному восприятию подлежит прежде всего сам себя воспринимающий субъект, тогда как восприятие внешнего предмета, невозможное без воспринимающего, Лейбниц называет опосредованным восприятием. Иными словами, непосредственно воспринимаемое качество есть свойство сущего, существование которого дается в акте самосознания, а свойство сущего, существование которого сопровождается актом самосознания, есть качество, воспринимаемое опосредованно. Следовательно, в данном случае под чувственными качествами подразумевается вовсе не качественные характеристики тел, но содержания сознания.

Это подтверждается прямой аналогией между приведенной выше цитатой и соответствующим отрывком из небольшой работы «Свидетельство природы против атеистов», созданной, вероятно, весной 1668 г., то есть спустя полгода после «Нового метода». Этот текст, посвященный доказательству тезиса, что в основании телесных явлений лежит бестелесное начало, содержит определение мышления как вещи, «непосредственно сознаваемой (*sensibilis*) без представления (*imaginatio*) частей». Непосредственно сознаваемой вещью мышление называется потому, что «душа, когда сознает себя мыслящую, непосредственно предстает сама себе» [5. С. 83]. Простота мышления обосновывается Лейбницем отсылкой к опыту, в котором уясняется, что «мышление есть то самое неуловимое нечто, которое мы сознаем (*sentimus*), когда сознаем себя мыслящими» [Там же].

Таким образом, к числу простейших воспринимаемых качеств относится в первую очередь мышление. Именно поэтому далее в «Новом методе» Лейбниц указывает, что чувственно воспринимаемые качества бывают двух видов: те, что воспринимаются умом, и те, что воспринимаются посредством фантазии или органов чувств. К умопостигаемым качествам Лейбниц относит не только мышление, но и причинность [3. S. 18]. Органами чувств воспринимаются число и протяженность, которые в совокупности образуют тело. Здесь же Лейбниц упоминает осязание (*tactus*), которое называет простейшим чувством (*sensus simplicissimus*). Посредством осязания воспринимается, согласно Лейбницу, движение, которое, следовательно, также относится к числу простых воспринимаемых качеств. Соединение материи и движения образует цвет, запах и прочие привходящие качества, которые, по Лейбницу, являются уже не простыми, но сложными понятиями.

Таким образом, чувственно воспринимаемые качества, согласно Лейбницу, не сводятся к зрительным или тактильным ощущениям, но представляют собой абстрактные качества, существующие сами по себе вне их связи друг с другом в реальных вещах. В «Новом методе» философ относит к их числу мышление, причинность, число, протяжение. Эти абстрактные качества, взятые вне связи их друг с другом и вне субъекта, являются предметом абстрактной философии. Пока-

зательно, что эту часть философии Лейбниц называет также *λογουραφια*, что свидетельствует о том, что его понятие воспринимаемых качеств, несводимое исключительно к ощущениям, но обозначающее непосредственно воспринимаемое свойство сущего, восходит к аристотелевскому учению о качествах (*ποιον*), изложенному в восьмой книге «Категорий» и четырнадцатой главе пятой книги «Метафизики», где важнейшим смыслом понятия качества называется «видовое отличие сущности» [6. С. 166].

Следует, однако, отметить, что у Аристотеля учение о качествах сущего как сущего отсутствует, поскольку, по его убеждению, общей науки о сущем быть не может, тогда как Лейбниц создает именно такую науку. Понятие качества абсолютизировано и введено Лейбницем в метафизический контекст уже в «Диссертации о комбинаторном искусстве», где философ определяет комбинаторику как часть метафизики. Обоснование этого отождествления выглядит следующим образом: «Метафизика, если начинать с самого первого, ведет речь как о сущем, так и о свойствах сущего (*de Entis affectionibus*): однако как свойства естественного тела не являются телами, так и свойства сущего не являются сущими. Но свойство (или Модус) сущего является или абсолютным (*absoluta*), именуемым **Качеством**, или же относительным (*respectiva*), в последнем случае оно является либо свойством вещи по отношению к своим частям, если она их имеет, и тогда это **Количество**, либо свойством вещи по отношению к другой вещи, и тогда это **Отношение** (*relation*)... Итак, ясно, что ни качество, ни количество, ни отношение не являются сущими: однако их рассмотрение в указанном смысле относится к метафизике» [7. S. 35].

Таким образом, Лейбниц определяет качество как модус сущего, и учение о качествах, наравне с учением о количестве, является частью его метафизики. Именно так следует понимать уже приведенное нами выше замечание Лейбница в главе «Применение проблем I и II» «Диссертации», что к понятиям первого класса следует отнести «не только сами вещи, но также модусы или отношения». Эти первые качества (абсолютные свойства) сущего как сущего подлежат непосредственному восприятию умом или органами чувств и, следовательно, как таковые находятся вне ума и органов чувств. Лейбниц в этом отношении продолжает традицию Иоганна Генриха Алстеда, который в духе *ars magna* Раймона Луллия рассматривал логические понятия как понятия первого порядка (*primae notiones*), то есть как независимые от человеческого ума законы мышления. Абсолютизация этих свойств сущего позволяет Лейбницу строить на их основе свою первую систему всеобщей науки. Если первые чувственные качества вне связи друг с другом образуют предмет абстрактной философии, то их соединения в реальных вещах изучает конкретная философия. Ее задача, однако, сводится лишь к тому, чтобы развить положения, доказанные в абстрактной философии. Соответственно, абстрактную философию образуют логика (наука о мышлении и причинности), арифметика (наука о числе) и геометрия (наука о протяженности), из двух последних происходит физика (наука о теле). Предметом конкретной философии являются Бог, ангелы, ум, огонь, вода с различными разновидностями жидкостей, земля

с минералами и пр., растения и животные. Эту вторую часть философии Лейбниц, в отличие от *полюграфия*, называет *εἰδογραφία*; включают ее космография, астрография и всеобщая история мира от сотворения, включая историю народов и государств (3).

Подобная структура полностью соответствует заявленному еще в «Диссертации» делению всякого знания на область аналитики, то есть искусства сведения всякого высказывания к безусловному основанию, и область топики, то есть искусства построения новых высказываний посредством формального метода. Соответственно, если комбинаторике отводилась роль именно такого метода, а первая философия, или метафизика, представляла собой раздел основоположений, то третья часть этой системы должно было составлять знание о производных истинах — Энциклопедия. Отсюда следует, что логическим основанием содержания Энциклопедии должны были стать не столько первые понятия в их абстрактности, сколько высказывания, представляющие связь субъектов с качествами.

В 1668—1671 гг., то есть в период после «Нового метода» и до отъезда в Париж, Лейбниц продолжает активно разрабатывать именно область Энциклопедии. В своем фундаментальном исследовании «Логика Лейбница» Луи Кутюра перечисляет несколько текстов допарижского периода, где Лейбниц непосредственно касается темы энциклопедии [8. Р. 123]. К этим текстам относятся: *Corpus juris reconcinandum* (1668—1669), *Semestria litteraria* (1668), *Consilium de Literis Instruandis condendaque Encyclopaediae* (1669) и *Encyclopaedia ex sequentibus autoribus propriisque meditationibus delineanda*. По мнению Кутюра, общим для энциклопедических проектов, намеченных в этих сочинениях, является положенный в их основу компилятивно-библиографический принцип [Там же. С. 125]. В самом деле, среди причин, которые побудили автора приняться за составление плана той или иной энциклопедии — будь то «*Corpus juris reconcinandum*», представляющий собой набросок своеобразной энциклопедии права, или проект периодического библиографического издания *Semestria litteraria* — Лейбниц всякий раз в первую очередь называет стремление отделить полезные книги от бесполезных, чтобы многообразие книг и содержащиеся в них противоречия не препятствовали извлечению из приобретенного знания практической и нравственной пользы. Аналогичная задача ставилась Лейбницем и в проекте *Encyclopaedia ex sequentibus autoribus propriisque meditationibus delineanda*, которая, как свидетельствует название, должна была включать в себя извлечения из сочинений различных авторов, представляющих определенные тематические рубрики — теологию, право, историю, математику и медицину. Все эти энциклопедии замыслились Лейбницем как своего рода портативные библиотеки, подобные библиотеке патриарха Фотия, с которой сам Лейбниц сравнивал свой проект *Semestria litteraria* [9. С. 42—42].

Таким образом, первая функция энциклопедии, согласно Лейбницу, состоит в упорядочивании уже накопленного знания. Однако, вопреки суждению Кутюра, этой задачей замысел Лейбница отнюдь не исчерпывался. Компилятивно-библиографическое обозрение должно было, по мнению философа, представлять собой лишь начальную стадию создания энциклопедии. В наброске «*Semestria litteraria*»

Лейбниц подробно описывает, каким образом периодическое издание, первоначально исполняющее роль информационно-библиографического бюллетеня, постепенно должно перерасти в «совершенную энциклопедию»: «Таким образом, посредством устройства и продолжения этого *semestrium* в течение немногих лет будут проработаны почти все лучшие книги мира, а также посредством описания всех факультетов, искусств и профессий как бы положен на бумагу весь человеческий опыт и, наконец, собраны материалы (*materi*) и положено верное основание главному зданию: совершенной Энциклопедии (*Encyclopaediae perfectae*), работа над коей будет вестись исподволь и в коей надлежит собрать и упорядочить все человеческие мысли или понятия (*notions*), доказать путем демонстрации (*demonstrative*) или с верной основательностью и сообразно математическому порядку все главные истины, проистекающие из разума, если же они состоят только в *praesumption* или догадке, все же показать их степень вероятности (*gradus probabilis*); то же, что является собственно историческим и берется не из разума, а из опыта или из чужих свидетельств, также следует расположить сообразно известному порядку как атрибутов (*attributorum*), так и субъектов (*subjectorum*) и наконец, сообразно универсальной космографической системе времени и места (*Universali systemate cosmographico temporis et loci*), подтвержденное опытом или заслуживающими доверия авторитетами и снабженное подробными указателями. И так как ради краткости в этом сочинении могут содержаться лишь главные истины как начало всех прочих, то прежде всего прочего должны быть старательно разработаны и присовокуплены правильная логика (*Logica*) или метод познания, то есть искусство изобретения и суждения аналитическое и комбинаторное (*Methodus cogitandi, sive ars inveniendi et iudicandi Analytica et combinatorial*), как ключ всех прочих познаний и истин, каковые вследствие их бесконечности, а также потому, что с помощью этого метода (*Methodus*) и обычного человеческого рассудка они при надобности легко могут быть найдены из вышеназванных, не могут и не должны включаться в этот труд» [Там же. S. 42—43].

Из этого отрывка становится ясно, насколько тесно проект *Semestria litteraria* связан с «Диссертацией о комбинаторном искусстве». В основу совершенной Энциклопедии, по мысли Лейбница, должны быть положены отнюдь не извлечения из сочинений различных авторов, скомпилированные и распределенные по тематическим рубрикам, но «главные истины», которые, однако, могут быть установлены только в процессе критического анализа уже имеющегося знания. Именно поэтому в работе над Энциклопедией библиографическое обозрение является всего лишь подготовительной фазой. Эта стадия, однако, необходима, так как, согласно Лейбницу, основополагающие истины могут быть трех родов — истины разума, гипотезы и исторические истины, почерпнутые из опыта или из различных свидетельств. Из этих трех видов «главных истин» истины разума и исторические истины непосредственно восходят к обозначенному уже в «Диссертации» делению всех первых высказываний на теоремы и наблюдения, где теоремы представляют собой необходимые высказывания («Что есть (такое), то оно есть или не есть (такое), или же противоположное»), а наблюдения — контингентные выска-

звания («Нечто существует») [7. S. 41] (4). Теоремы соответствуют вечным истинам, которые, как говорит Лейбниц в главе «Применение проблем I и II», проистекают из природы Бога, а не из его воления, тогда как истинность контингентных высказываний (среди которых Лейбниц различает исторические, то есть единичные высказывания, и наблюдения, то есть общие высказывания) «основана не на сущности, а на существовании» и зависит от случая, или, иными словами, от произволения Бога [7. S. 69]. Таким образом, если истины первого рода (вечные истины) выводятся непосредственно из разума и не подлежат опытной проверке, то контингентные истины могут быть почерпнуты исключительно из истории или из опыта. В этом отношении позиция Лейбница принципиально отличается от декартовского учения о первых истинах, согласно которому первые истины являются только непосредственно уясняемыми фактами сознания. Для Лейбница же описание мира не исчерпывается данными рефлексии, но обязательно включает в себя данные опыта. Именно в силу этого совершенная энциклопедия (то есть та, которая описывает мир в его полноте) должна включать в себя не только истины разума, но и всевозможные свидетельства и наблюдения, образующие материю истории.

В «*Semestria Litteraria*» Лейбниц, однако, выделяет также еще один вид «главных истин», а именно истины гипотетические, которые «состоят в предположении или догадке». Как говорилось в цитированном выше отрывке, в Энциклопедии должна была быть показана «степень вероятности» этих гипотез. Каков же логический статус этих истин? Можно рассматривать их скорее как расширение области необходимых истин, а именно тех, которые основаны на принципе непротиворечия, а не на принципе существования. Однако обоснование гипотетических истин степенью их вероятности указывает на то, что они не могут быть окончательно доказаны, то есть сведены к тождественному высказыванию, демонстрирующему содержание предиката в субъекте.

Таким образом, различие между лейбницевскими истинами разума и гипотетическими истинами аналогично аристотелевскому различию между необходимо присущим и возможно присущим, где под возможным понимается «то, что не необходимо, но если принять что оно присуще, то из этого не следует ничего невозможного» [11. С. 142]. В том же ключе сам Лейбниц разъясняет понятие гипотетической необходимости в более поздних своих работах (5), так что «*Semestria Litteraria*» следует рассматривать как одно из наиболее ранних сочинений, где вводится это понятие.

Соотношение необходимых, контингентных и гипотетических истин в энциклопедии рассматривается и в другом тексте, относящемся к допарижскому периоду Лейбница — рукописном наброске «*Commenatiuncula de Judice Controversarium seu Trutina Rationis et Norma Textus*» (1669—1671?) [см.: 12], впервые обнаруженном Кабитцем [см.: 4. S. 25—31].

Главное содержание «*Commenatiuncula de Judice Controversarium seu Trutina Rationis et Norma Textus*» составляет рассмотрение вопроса о возможности установления некой судебной инстанции для решения как религиозных, так и свет-

ских споров. Эта судебная инстанция должна, по мнению Лейбница, быть основана на принципах разума, или «истинной логики».

Выступая против распространенного среди современных Лейбницу философов и разделяемого, в частности, Гоббсом, мнения, согласно которому сам по себе абстрактный разум представляет собой бесполезную и пустую идею, Лейбниц указывает, что в сфере человеческой деятельности есть два рода вопросов: одни касаются чувственного восприятия, другие — разума. Если решение вопросов первого рода (например, черно ли нечто или бело) отсылает исключительно к области чувственного опыта, то решение других (например, в арифметике и геометрии), напротив, следует искать исключительно в области всеобщих рациональных истин, подлежащих строгому доказательству. Инструментом такого доказательства и является, по мысли Лейбница, логика изобретения и суждения.

Как видим, Лейбниц непосредственно развивает главную идею «Диссертации» о возможности применения в разных областях математического исчисления логических суждений. Чтобы обеспечить истинность доказательства, он считает необходимым унифицировать не только метод доказательства, но и исходные понятия. Для этого, по мысли Лейбница, должен быть создан своеобразный компендиум «проверенных знаний», который бы мог быть положен в основу разрешения всевозможных разногласий (заблуждений). Этот компендиум должен состоять из четырех книг.

В первой, книге определений, должны быть даны определения всех используемых слов, вплоть до неопределимых понятий. Помимо рациональных понятий, в нее должны быть включены также понятия, основанные исключительно на чувственном восприятии, которые должны быть представлены или в изображениях, или, лучше, в обсерватории, в виде натуральных образцов, снабженных подписями (6).

Вторую книгу Лейбниц называет книгой теорем; в ней должны содержаться истины, выведенные из первых основоположений.

Третью, историческую книгу, должны составлять наиболее значительные книги, созданные за всю историю человечества. Она, следовательно, охватывает область контингентных или исторических истин.

Наконец, четвертую книгу должны составлять естественные и искусственные опыты. Эта книга опытов, очевидно, представляет сферу наблюдений, или индуктивного знания.

Поскольку содержание третьей и четвертой книг образуют знания, почерпнутые из опыта, то они могут быть пересмотрены и удалены из них. Напротив, положения книг определений и теорем пересмотру не подлежат.

Таким образом, здесь в разряд первых понятий Лейбниц также включает данные чувственного опыта, не проясняя, однако, их метафизический статус и происхождение. Более развернутое определение данных чувственного опыта как первых понятий мы находим в гораздо более позднем тексте, относящемся уже, вероятно, к середине 90-х гг., «Об универсальном синтезе и анализе, или об искусстве открытия и суждения». В этой работе Лейбниц указывает на различие между ра-

циональными первыми понятиями и понятиями, основанными на чувственном опыте: «Первые понятия, комбинацией которых получаются остальные, бывают или отчетливыми, или смутными; отчетливые постигаются сами по себе умом, как например, бытие (Ens); смутные (и в то же время ясные) воспринимаются сами по себе, как, например, окраска, которую мы не можем объяснить другому иначе, нежели показав ее» [2. С. 116]. Смутные понятия, указывает Лейбниц, не допускают номинального определения, то есть причина их не может быть «нами в достаточной мере описана или постигнута с помощью раздельно объяснимых признаков и познается не более как смутно» [Там же]. Это означает, что такие понятия являются лишь первыми «для нас» [13. С. 120].

Почему же, однако, Лейбниц все-таки относит эти данные чувственного опыта к первым понятиям? Ведь, согласно тексту «Размышления о познании, истине и идеях» (1684), в качестве первичного понятие может выступать лишь в том случае, если оно «есть признак самого себя, то есть если оно неразложимо и может быть понято только через себя, и, таким образом, не имеет реквизитов» [14. С. 102]. Такие понятия определяются Лейбницем через уяснение их возможности: истинна та идея, понятие которой возможно, ложна — та, понятие которой заключает в себе противоречие [Там же. С. 104]. Именно к такого рода понятиям, то есть к уяснению их возможности, должен, по мысли Лейбница, приводить анализ вещей. Первичное отчетливое понятие может быть, согласно Лейбницу, только интуитивным: «Интуитивное познание заключается в определениях, когда их возможность сразу ясна. Подобным же образом все адекватные определения содержат в себе первоначальные рациональные истины и, следовательно, интуитивные познания. Наконец, можно вообще сказать, что все первоначальные рациональные истины непосредственны *непосредственностью идей*» [13. С. 373]. Свести анализ к этим понятиям (уясняемым интуитивно) означает, по Лейбницу, «сводить свои мысли к первым возможностям и неразложимым понятиям или — что то же самое — к самим абсолютным атрибутам Бога, а значит, к первым причинам и последним основаниям вещей» [14. С. 105].

Здесь, как и в системе Луллия, первые понятия являются одновременно и первыми основаниями вещей, и атрибутами Бога. Однако лейбницевская модель имеет важное отличие от луллиевой. Определяя первые истины как «первые возможности» и первые основания вещей, Лейбниц одновременно указывает на принципиальную разницу между тем, как они существуют для Божественного разума и для человеческого. Лейбниц не говорит о совершенной недоступности первых истин для человека (постижение их возможно, но только интуитивно), однако указывает, что, в отличие от Бога, для которого «все постигается ... априори и под углом зрения вечной истинности ... и к тому же адекватно», мы «едва ли что-либо познаем адекватно, немногое — априори, а большую часть познаем с помощью опыта, и в этом последнем случае нужно использовать другие принципы и другие критерии» [2. С. 120].

Именно в силу недоступности для человека адекватного познания всех рациональных истин в их возможности в качестве первых понятий для него выступают

также и смутные понятия чувственного опыта, не допускающие номинального определения, но своей непосредственностью указывающие на некую скрытую причину их возможности. Данные чувственного опыта представляют собой такое свойство сущего, которое открывается лишь в его существовании, но не в сущности.

Таким образом, приравнивая первые истины разума к вечным истинам, Лейбниц, однако, избегает возвращения к традиционной метафизике как учению о бытии, его принципах (сущность и существование) и первоначальных или производных свойствах (единое, истина, благо, или тождественное и различное, простое и сложное и т.д.) [13. С. 441].

Для Лейбница первичные истины являются не только первичными, но и необходимыми, так как даже Бог не в силах изменить их, ведь эти истины составляют его разум, а «Бог... не есть творец собственного разума» [15. С. 380]. Однако для человека постижение (интуитивное) отдельных первичных истин не может означать познание Бога. Согласно Лейбницу, сущность Бога невыразима через его отдельно взятый атрибут, так как «сущность Бога состоит в том, что он есть субъект всех атрибутов» [16. S. 514]. Тем не менее «любое свойство Бога включает всю его сущность целиком, сколь бы малым оно ни было, все оно выражает природу Бога. Потому что включается ряд вещей этого ряда. Бесконечный же ряд не получается из бесконечных атрибутов» [Там же]. Будучи субъектом бесконечного числа атрибутов (предикатов), Бог не может быть, как у Луллия, определен через набор атрибутов. Более того, Бог не является даже тождественной истиной, так как не удовлетворяет принципу тождества $A = A$.

Таким образом, Бог, согласно Лейбницу, логически непознаваем, хотя между божественным разумом и человеческим нет принципиальной границы, ведь законы логики действуют в соответствии с природой Бога, а не по его воле, и эта природа у божественной и человеческой субстанции одна и та же. Как уже говорилось выше, различие состоит лишь в «оптике»: Бог все видит априорно и под углом вечной истинности, он знает все причины, а человек обладает этими истинами лишь потенциально, интуитивно, имеет их в качестве «идеалов», тогда как основной объем знания он, не владея всей цепью причинных связей, получает из опыта. Это значит, говорит Лейбниц, что для человека первыми истинами будут уже не первые тождественные истины Бога, а истины факта, причем первыми будут истины самосознания: «в ситуациях фактических или случайных, которые зависят не о разума, а от наблюдения или опыта, первыми истинами для нас будут те, из которых узнаем мы о самих себе, ибо это нельзя доказать через другие опыты, более близкие нам и более внутренние. Однако воспринимаю я в себе не только самого себя, мыслящего, но и великое разнообразие в моих мыслях, из чего я делаю вывод, что помимо меня существует другое» [2. С. 120].

Очевидно, что здесь Лейбниц воспроизводит фундаментальную декартовскую истину «я мыслю, следовательно, существую» и, подобно Декарту, полагает ее в основу человеческого познания. Однако Лейбниц считает важным дополнить истину Декарта еще одной: «я мыслю множественное». Обе истины являются «непо-

средственными. Об этом Лейбниц ясно говорит в «Новых опытах...»: «Что касается первоначальных фактических истин, то это внутренний непосредственный опыт, непосредственный непосредственностью чувства. Сюда относится первая истина картезианцев или блаженного Августина: я мыслю, следовательно, я существую, то есть я есть мыслящая вещь. Следует, однако, помнить, что подобно тому как тождественные предложения бывают общими или частными... для меня не только непосредственно ясно, что я мыслю, но столь же ясно, что я имею различные мысли, что иногда я мыслю об А, а иногда о В и т.д. Таким образом, картезианский принцип правилен, но он не единственный в своем роде. Отсюда видно, что всем первоначальным рациональным или фактическим истинам общо то, что их нельзя доказать при помощи чего-нибудь более достоверного» [13. С. 374].

Таким образом, в одном акте самосознания Лейбниц выделяет два момента: первый удостоверяет существование субъекта как мыслящей вещи, а второй — существование внешнего мира [ср. также: 2. С. 120].

Итак, тождественные истины одновременно обладают и статусом божественных атрибутов, которые для человека непостижимы во всем их объеме, но при этом, будучи «бессознательными идеалами» человеческого разума, также обладают характером «безусловного основания познания».

Истины факта, как существующие только «для нас», организуют внутренний опыт человека. Лейбниц подчеркивает, что именно через этот двойственный непосредственный опыт самосознания и сознания внешнего мира человек получает идею существования вообще. В совокупности эти первоначальные истины составляют основу человеческого познания: «Познание есть ничто иное, как восприятие связи и соответствия или противоречия и несоответствия между двумя нашими идеями... Можно сказать, что существует только сравнение или связь, но что сравнение, показывающее тождество или различие, и связь вещи с «я» — это такие отношения, которые следует отличать от других» [13. С. 363—366]. По сути, они организуют человеческий опыт познания почти так же, как трансцендентальные идеи в системе Канта, где «душа» является трансцендентальным основанием единства внутреннего опыта, а «мир» — трансцендентальным основанием единства внешнего опыта.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Подробнее об этой работе Лейбница, с приложением перевода наиболее философски значимых параграфов диссертации, см. в нашей статье [10].
- (2) До Лейбница аналогичную критику Луллия высказывали также Бэкон, Кардан и Декарт.
- (3) Сходное разделение встречается уже у учителя Лейбница Эрхарда Вейгеля, который в своей книге «Аристотелевский анализ, восстановленный из Евклида» (*Erhard Weigelii Analysis Aristotelica ex Euclide restituta, Genuinum sciendi modum, et Nativam restauratae Philosophiae faciem per omnes Disciplinae et Facultates ichnographice depingens Jenaе, 1658*) отстаивал идею принципиального единства философии и науки, утверждая, что во главе наук должна стоять «первая философия», изучающая сущее как идею/форму и сущее как некое сущее (то *εκαστων*, единое). Соответственно предмету, первая философия делится у Вейгеля на два раздела — «*Scientia Entis ut Ens est*», или Метафизику, и «*Scientia Entium quatenus Numeri sunt*», или Арифметику. Из этого основания берут начала все остальные науки, как теоретические, так и практические [см.: 17].

- (4) В. Кабитц указывает на это место как на единственное место «Диссертации», где Лейбниц касается проблемы необходимых и контингентных высказываний [см.: 4. S. 35—36]. Однако на самом деле Лейбниц продолжает эту тему и в главе «Применение проблем I и II».
- (5) Подробно о понятии гипотетической необходимости в учении Лейбница о возможных мирах см. в монографии Арона Гурвича [19. S. 99 ff].
- (6) Данный замысел обнаруживает явную аналогию с Пансофией Яна Коменского, у которого книга обо всех вещах мира также должна была апеллировать к чувственному познанию. Подобное об этом см.: [18].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Лейбниц Г.В.* История идеи универсальной характеристики // *Лейбниц Г.В.* Соч. в 4 т. — Т. 3. — М.: Мысль, 1984. — С. 412—418.
- [2] *Лейбниц Г.В.* Об универсальном синтезе и анализе, или об искусстве открытия и суждения // *Лейбниц Г.В.* Соч. в 4 т. — Т. 3. — М.: Мысль, 1984. — С. 115—122.
- [3] *Leibniz G.W.* Nova Methodus discendae docendaeque Jurisprudentiae ex artis didacticae principiis in parte generali praeparaemissis experimentiaequae luce. Lipsiae et Halae. 1667.
- [4] *Kabitz W.* Die Philosophie des jungen Leibniz. Untersuchungen zur Entwicklungsgeschichte seines Systems. — Heidelberg, 1909.
- [5] *Лейбниц Г.В.* Свидетельство природы против атеистов // *Лейбниц Г.В.* Соч. в 4 т. — Т. 1. — М.: Мысль, 1982. — С. 78—84.
- [6] *Аристотель.* Метафизика // *Аристотель.* Соч. в 4 т. — Т. 1. — М.: Мысль, 1976.
- [7] *Leibniz G.W.* De Arte combinatoria // *Leibniz G.W.* Philosophische Schriften. Hg. v. C. I. Gerhardt. Bd. IV. — Berlin: Weidmann, 1880. — S. 27—104.
- [8] *Couturat L.* La logique de Leibniz. — P., 1901.
- [9] *Leibniz G.W.* Die Werke von Leibniz gemäß seinem handschriftlichen Nahclasse in der Königlichlichen Bibliothek zu Hannover. Erste Reihe. Historischßpolitische und staatswissenschaftliche Schriften. Erster Band. — Hannover, 1864.
- [10] *Осминская Н.А.* Математика и метафизика в «Диссертации о комбинаторном искусстве» Г.В. Лейбница. — Арифметическое исследование комплексий, осуществленное в знаменитой Лейпцигской Академии с разрешения прославленного философского факультета в соискание должности М. Готфридом Вильгельмом Лейбницем / Пер. с лат. Н.А. Осминской // *Вопросы философии.* — 2011. — № 2. — С. 151—166.
- [11] *Аристотель.* Вторая аналитика // *Аристотель.* Соч. в 4 т. — Т. 3. — М.: Мысль, 1978.
- [12] *Leibniz G.W.* Commenatiuncula de Judice Controversarium seu Trutina Rationis et Norma Textus // *Leibniz. G.W.* Sämtliche Schriften und Btiefte. Hrsg. Von der Berlin-Brandenburg Akademie der Wissenschaften und der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Sechste Reihe. Philosophische Schriften. Erster Band: 1663—1672. — Akademie-Verlag, Berlin, 1990. — S. 558.
- [13] *Лейбниц Г.В.* Новые опыты о человеческом разумении // *Лейбниц Г.В.* Соч. в 4 т. — Т. 2. — М.: Мысль, 1983.
- [14] *Лейбниц Г.В.* Размышление о познании, истине и идеях // *Лейбниц Г.В.* Соч. в 4 т. — Т. 3. — М.: Мысль, 1984. — С. 101—107.
- [15] *Лейбниц Г.В.* Теодицея // *Лейбниц Г.В.* Соч. в 4 т. — Т. 4. — М.: Мысль, 1989.
- [16] *Leibniz G.W.* De formis seu attribitis Dei // *Leibniz G.W.* Sämtliche Schriften und Briefe. Sechste Reihe: Philosophische Schriften. Dritter Band. 1672—1676. — Berlin: Akademie Verlag, 1980. — S. 513—515.
- [17] *Weigel E.* Erhard Weigelii Analysis Aristotelica ex Euclide restituta // *Weigel E.* Werke. — Bd. III. Herausgegeben und eingeleitet von Thomas Behme. — Stuttgart, 2008.
- [18] *Осминская Н.А.* Традиция универсального музея: коллекционирование как мировоззрение // *Arbor mundi* (Мировое древо). — Вып. 11. — М.: РГГУ, 2004.
- [19] *Gurwitsch A.* Leibniz. Philosophie des Panlogismus. — Berlin/N.Y.: Walther de Gruyter, 1974.

**THE PROBLEM OF THE FIRST CONCEPTS
IN THE PHILOSOPHY OF G.W. LEIBNIZ:
FROM ATTRIBUTES OF GOD
TO TRANSCENDENTAL IDEAS**

N.A. Osminskaya

Chair of the history of philosophy

Department of philosophy

National research university — Higher school of economics

Malyj Trehsvjatitelskij per., 8/2, Moscow, Russia, 109028

The article gives a reconstruction of the evolution of Leibniz' view of the problem of the first concepts which could be a basis of the universal science (*scientia generalis*). In his analysis of his earlier treatise on combinatorics and the earlier sketches for his encyclopedistic projects the author shows Leibniz to be influenced by R. Lull, J. Bisterfeld and J.H. Alsted and stresses the Aristotelian roots of his interpretation on the connection between the necessary and contingent truths.

Key words: Leibniz, rationalism, encyclopedism, *scientia generalis*, combinatory method, truths of reason, contingency.